

ный доме... Ты истиннаго жениха чьстнаа невеста, ты еси кринь обретенный въ тръни, тебе роды чловечьсции блажеть, яко своему последовала еси жениху. Ты заступница сущимъ въ бедахъ, обуреваемымъ пристанище; твоя рака благодетные точить струе, бесовские отганяеть плыки; твоя цркъвовь недугомь отгнание, слепымъ прозрение, прокаженнымъ очищение»²² и т. п. Иного характера риторичность Епифания Премудрого: это риторичность, которая как бы исходит от тех чувств, которые охватывают автора, когда он начинает говорить о своем герое. В знаменитых епифаниевских перечислениях однородных членов, когда он, характеризуя описываемого святого, подбирает до 25 однородных эпитетов, видно стремление автора как можно полнее выразить охватывающие его чувства. В этом, как нам кажется, существенное и принципиальное отличие епифаниевской риторики от риторики южнославянских агиографов. Сам Епифаний определил свой стиль как «плетение словес». К сожалению, очень часто этот эпитет «плетение» воспринимается чисто формально, с каким-то отрицательным оттенком, что глубоко неверно. Все дело в том и заключается, что это не плетение ради плетения, что за этой риторичностью лежит глубокое, искреннее чувство любви и восхищения автора своим героем. И делал это поистине великий мастер и знаток языка. Достаточно привести хотя бы одну, взятую наугад риторическую фигуру Епифания из «Жития Стефана Пермского»: «...ныне же, после всех и надо всеми сими, и вконецъ слову тяга а ся есть с тобою словесы и не утягал, но сам утяган есть, спирался о вере и не упрел, но и сам пререн бысть, и змагался, да не измогл, но и сам побежен бысть, и всюду посрамлен есть и всячески поруган бысть»,²³ чтобы убедиться в том, насколько тонко и искусно пользовался словом этот писатель конца XIV—начала XV в. Именно эту особенность риторики Епифания Премудрого Д. С. Лихачев очень удачно сблизил с творческой манерой современника Епифания — Андрея Рублева, возводя лиричность обоих к русским традициям: «И плачи, и внутренний монолог, и известная ритмичность речи были характерны уже для домонгольской литературы; в ней же присутствовало и то сильное лирическое начало, которое при всей монументальности домонгольского литературного стиля широко давало себя знать и в „Слове о законе“ Илариона, и в произведениях Кирилла Туровского. Епифаний весь замкнут в мягких плавных линиях орнаментальной ритмической речи. Нечто подобное видим мы и в творчестве Андрея Рублева: красочная гамма его зависит от владимиросуздальской живописи домонгольской поры, он мягче, лиричнее Феофана Грека».²⁴

Как отмечает болгарский исследователь, «предметом своих житий Евфимий избирает лиц, которые были болгарами по происхождению или связаны с Болгарией, болгарской столицей, болгарским прошлым».²⁵ «В житиях Евфимия особое место занимает рассказ о мощах святого, в котором Евфимий показывает свой интерес к болгарскому прошлому и дает выражение своим народным чувствам и патриотическому настроению».²⁶ В сущности, именно в этих моментах и заключается наибольшая историчность житий Евфимия, исторические же факты из жизни святого сами по

²² Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius. Nach den Besten Handschriften herausgegeben von Emil Kalužniacki. Wien, 1901 (далее: Сочинения Евфимия Тырновского), стр. 73.

²³ Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 145. Далее все цитаты из «Жития Стефана Пермского» даются по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте.

²⁴ Д. С. Лихачев. Культура Руси, стр. 165.

²⁵ П. Диневков. Стара българска литература, втора част. София, 1953, стр. 61.

²⁶ Там же, стр. 71.